

Даниэль Дефо (Daniel Defoe) ок. 1660--1731

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанные им самим (The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe of York, Mariner, Written by Himself)

Роман (1719)

Робинзон был третьим сыном в семье, баловнем, его не готовили ни к какому ремеслу, и с детских лет его голова была набита 'всяки-ми бреднями' - главным образом мечтами о морских путешествиях. Старший его брат погиб во Фландрии, сражаясь с испанцами, без вести пропал средний, и поэтому дома слышать не хотят о том, чтобы отпустить последнего сына в море.

Отец, 'человек степенный и умный', слезно умоляет его стремиться к скромному существованию, на все лады превознося 'среднее состояние', уберегающее человека здравомыслящего от злых превратностей судьбы. Увещевания отца лишь на время урезонивают 18-летнего недоросля.

Речь отца Робинзона в начале романа — гимн буржуазным добродетелям, *среднему состоянию*:

Покидают отчизну в погоне за приключениями, сказал он, или те, кому нечего терять, или честолюбцы, жаждущие занять высшее положение; пускаясь в предприятия, выходящие из рамок обыденной жизни, они стремятся поправить дела и покрыть славой свое имя; но подобные вещи мне или не по силам, или унижительны для меня; мое место — середина, то есть то, что можно назвать высшею ступенью скромного существования, которое, как он убедился на многолетнем опыте, является для нас лучшим в мире, наиболее подходящим для человеческого счастья, избавленным как от нужды и лишений, физического труда и страданий, выпадающих на долю низших классов, так и от роскоши, честолюбия, чванства и зависти высших классов. Насколько приятна такая жизнь, сказал он, я могу судить уже по тому, что все поставленные в иные условия завидуют ему: даже короли нередко жалуются на горькую участь людей, рожденных для великих дел, и жалеют, что судьба не поставила их между двумя крайностями — ничтожеством и величием, да и мудрец высказывается в пользу середины как меры истинного счастья, когда молит небо не посылать ему ни бедности, ни богатства.

Однако юный Робинзон не внемлет голосу благоразумия, Робинзон доверяется неверной судьбе путешественника по прозаической причине: его влечет *необдуманная затея составить себе состояние, рыская по свету*. В самом деле, за пределами Европы легко было быстро разбогатеть при некотором везении, и Робинзон бежит из дому, уходит в море, пренебрегая увещеваниями отца

Уже первый день на море стал предвестием грядущих испытаний. Разыгравшийся шторм пробуждает в душе ослушника раскаяние, впрочем, улегшееся с непогодой и окончательно развеянное попойкой ('как обыкновенно у моряков').

Через неделю, на ямутском рейде, налетает новый, куда более свирепый шторм. Опытность команды, самоотверженно спасающей корабль, не помогает: судно тонет, моряков подбирает шлюпка с соседнего суденышка. На берегу Робинзон снова испытывает мимолетное искушение внять суровому уроку и вернуться в родительский дом, но 'злая судьба' удерживает его на избранном гибельном пути.

В Лондоне он знакомится с капитаном корабля, готовящегося идти в Гвинею, и решает плыть с ними - благо, это ни во что ему не обойдется, он будет 'сотрапезником и другом' капитана. Как же будет корить себя поздний, умудренный испытаниями Робинзон за эту свою расчетливую беспечность! Най-мись он простым матросом, он научился бы обязанностям и работе моряка, а так он всего-навсего купец, делающий удачный оборот своим сорока фунтам. Но какие-то мореходные знания он приобретает: капитан охотно занимается с ним, коротая время. По возвраще-нии в Англию капитан вскоре умирает, и Робинзон уже само-стоятельно отправляется в Гвинею.

Его первое купеческое предприятие — экспедиция в Гвинею — приносит ему триста фунтов (характерно, как точно всегда он называет в повествовании денежные суммы); эта удача кружит ему голову и довершает его *гибель*. Потому все, что с ним происходит в дальнейшем, Робинзон рассматривает как наказание за сыновнее неподчинение, за то, что не послушался *трезвых доводов лучшей части своего существа* — рассудка.

То была неудачная экспедиция: их судно захватывает турецкий корсар, и юный Робинзон, словно во исполнение мрачных пророчеств отца, проходит тяжелую полосу испытаний, превратившись из купца в 'жалкого раба' капитана разбойничьего судна. Тот использует его на домашних работах, в море не берет, и на протяжении двух лет у Робинзона нет никакой надежды вырваться на свободу. Хозяин между тем ослабляет надзор, посылает пленника с мавром и мальчи-ком Ксури ловить рыбу к столу, и однажды, далеко отплыв от берега, Робинзон выбрасывает за борт мавра и склоняет к побегу Ксури. Он хорошо подготовился: в лодке есть запас сухарей и пресной воды, инструменты, ружья и порох. В пути беглецы постреливают на берегу живность, даже убивают льва и леопарда, миролюбивые туземцы снабжают их водой и пищей. Наконец их подбирает встречный пор-тугальский корабль. Снисходя к бедственному положению спасенно-го, капитан берется бесплатно довезти Робинзона в Бразилию (они туда плывут); более того, он покупает его баркас и 'верного Ксури', обещая через десять лет ('если он примет христианство') вернуть мальчику свободу. 'Это меняло дело', благодушно заключает Робин-зон, покончив с угрызениями совести.

В Бразилии он устраивается основательно и, похоже, надолго: по-лучает бразильское подданство, покупает землю под плантации табака и сахарного тростника, в поте лица трудится на ней, запоздало жалея, что рядом нет Ксури (как помогла бы лишняя пара рук!). Парадоксально, но он приходит именно к той 'золотой середине', которой его соблазнял отец, - так зачем было, сокрушается он те-перь, покидать родительский дом и забираться на край света? Сосе-ди-плантаторы к нему расположены, охотно помогают, ему удастся получить из Англии, где он оставил деньги у вдовы своего первого ка-питана, необходимые товары, земледельческие орудия и хозяйствен-ную утварь. Тут бы

успокоиться и продолжать свое прибыльное дело, но 'страсть к скитаниям' и, главное, 'желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства' побуждают Робинзона резко сломать сложившийся образ жизни.

Все началось с того, что на плантациях требовались рабочие руки, а невольничий труд обходился дорого, поскольку доставка негров из Африки была сопряжена с опасностями морского перехода и еще за-труднена юридическими препонами (например, английский парла-мент разрешит торговлю рабами частным лицам только в 1698 г.). Наслушавшись рассказов Робинзона о его поездках к берегам Гвинеи, соседи-плантаторы решают снарядить корабль и тайно привезти в Бразилию невольников, поделив их здесь между собой. Робинзону предлагается участвовать в качестве судового приказчика, ответственного за покупку негров в Гвинее, причем сам он не вложит в экспедицию никаких денег, а невольников получит наравне со всеми, да еще в его отсутствие компаньоны будут надзирать за его плантация-ми и блюсти его интересы. Конечно, он соблазняется выгодными ус-ловиями, привычно (и не очень убедительно) кляня 'бродяж-нические наклонности'. Какие 'наклонности', если он обстоятельно и толково, соблюдая все канительные формальности, распоряжается оставляемым имуществом!

Таким образом, на необитаемый остров у устья Ориноко он попадает, поддавшись соблазну *обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства*. Во время этого плавания он и попадает после кораблекрушения на необитаемый остров.

Никогда прежде судьба не предостерегала его столь внятно: он от-плывает первого сентября 1659 г., то есть день в день спустя восемь лет после побега из родительского дома. На второй неделе плавания налетел жестокий шквал, и двенадцать дней их трепала 'ярость сти-хий'. Корабль дал течь, нуждался в починке, команда потеряла троих матросов (всего на судне семнадцать человек), и было уже не до Аф-рики - скорее бы добраться до суши. Разыгрывается второй шторм, их относит далеко от торговых путей, и тут в виду земли корабль са-дится на мель, и на единственной оставшейся шлюпке команда 'от-дается на волю бушующих волн'. Даже если они не перетонут, гребя к берегу, у суши прибой разнесет их лодку на куски, и приближаю-щаяся земля кажется им 'страшнее самого моря'. Огромный вал 'величиной с гору' опрокидывает лодку, и обессиленный, чудом не добытый настигающими волнами Робинзон выбирается на сушу.

УВЫ, он один спасся, свидетельством чему выброшенные на берег три шляпы, фуражка и два непарных башмака. На смену иступлен-ной радости приходят скорбь по погибшим товарищам, муки голода и холода и страх перед дикими зверями.

30 сентября 1659 года. Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого, злополучного острова, который я назвал островом Отчаяния. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и сам я был полумертв.

Весь остаток дня я провел в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу. У меня не было ни пищи, ни крова, ни одежды, ни оружия; мне негде было укрыться; отчаявшись получить откуда-нибудь избавление, я видел впереди только смерть. Мне казалось, что меня или растерзают хищные звери, или убиты дикари, или я умру с голоду, не найдя никакой еды. С приближением ночи я взобрался на дерево из боязни хищных зверей. Я отлично выспался, несмотря на то, что всю ночь шел дождь.

1 октября. Проснувшись поутру, я увидел, к великому моему изумлению, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. С одной стороны, это было весьма утешитель но (корабль был цел, не опрокинулся, так что у меня появилась надежда добраться по нему, когда ветер утихнет, и запасть едой и другими необходимыми вещами); но, с другой стороны, еще сильнее стала и моя скорбь по погибшим товарищам. Останься мы на корабле, мы могли бы спасти его или по крайней мере утонули бы не все. Тогда мы могли бы построить лодку из обломков корабля, и нам удалось бы добраться до какой-нибудь населенной земли. Эти мысли не давали мне покоя весь день. Тем не менее, как только начался отлив, я отправился на корабль; подойдя к нему поближе по обнажившемуся морскому дну, я пустился потом вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер совершенно утих.

Из запасных мачт он сооружает плот и грузит на него 'все необходимое для жизни': съестные припа-сы, одежду, плотницкие инструменты, ружья и пистолеты, дробь и порох, сабли, пилы, топор и молоток. С невероятным трудом, каж-дую минуту рискуя опрокинуться, он приводит плот в спокойный за-ливчик и отправляется подыскать себе жилье. С вершины холма Робинзону уясняется его 'горькая участь': это остров, и, по всем признакам, - необитаемый. Оградившись со всех сторон сундуками и ящиками, он проводит на острове вторую ночь, а утром снова вплавь отправляется на корабль, торопясь взять что можно, пока пер-вая же буря не разобьет его в щепки. В эту поездку Робинзон забрал с корабля множество полезных вещей - опять ружья и порох, одеж-ду, парус, тюфяки и подушки, железные ломы, гвозди, отвертку и то-чило. На берегу он сооружает палатку, переносит в нее от солнца и дождя съестные припасы и порох, устраивает себе постель. Всего он двенадцать раз наведлся на корабль, всегда разживаясь чем-нибудь ценным - парусиной, снастями, сухарями, ромом, мукой, 'желез-ными частями' (их он, к великому огорчению, почти целиком уто-пил). В свой последний заезд он набрал на шифоньерку с деньгами (это один из знаменитых эпизодов романа) и философски рассудил, что в его положении вся эта 'куча золота' не стоит любого из ножей, лежавших в соседнем ящике, однако, поразмыслив, 'решил взять их с собой'. В ту же ночь разыгралась буря, и наутро от корабля ничего не осталось.

И тут начинается центральная часть романа, начинается небывалый эксперимент, который автор ставит над своим героем. Робинзон — малый атом буржуазного мира, не мыслящий себя вне этого мира и относящийся ко всему на свете как к средству для достижения своей цели, объехавший уже три континента, целеустремленно идущий по

своему пути к богатству.

Он оказывается искусственно вырванным из общества, помещенным в одиночество, поставленным лицом к лицу с природой. В “лабораторных” условиях тропического необитаемого острова проходит эксперимент над человеком: как поведет себя вырванный из цивилизации человек, индивидуально столкнувшийся с извечной, стержневой проблемой человечества — как выжить, как взаимодействовать с природой? И Крузо повторяет путь человечества в целом: он начинает трудиться, так что труд становится главной темой романа.

Просветительский роман впервые в истории литературы отдает должное труду. В истории цивилизации труд обычно воспринимался как наказание, как зло: согласно Библии, необходимость трудиться Бог возложил на всех потомков Адама и Евы в наказание за первородный грех. У Дефо же труд предстает не только как реальное главное содержание человеческой жизни, не только как средство добывания необходимого. Еще пуританские моралисты первыми заговорили о труде как о занятии достойном, великом, и в романе Дефо труд не опоэтизирован. Когда Робинзон попадает на необитаемый остров, он ничего толком не умеет делать, и лишь понемногу, через неудачи, он учится растить хлеб, плести корзины, изготавливать собственный инструмент, глиняные горшки, одежду, зонтик, лодку, разводить коз и т.д. Давно замечено, что труднее Робинзону даются те ремесла, с которыми был хорошо знаком его создатель: так, Дефо одно время владел фабрикой по производству черепицы, поэтому попытки Робинзона вылепить и обжечь горшки описываются во всех подробностях. Сам Робинзон отдает себе отчет в спасительной роли труда:

Даже когда я осознал весь ужас своего положения — всю безысходность моего одиночества, полную мою оторванность от людей, без проблеска надежды на избавление, — даже и тогда, как только открылась возможность остаться в живых, не умереть с голоду, все мое горе как рукой сняло: я успокоился, начал работать для удовлетворения своих насущных потребностей и для сохранения своей жизни и если сокрушался о своей участи, то менее всего видел в ней небесную кару...

Однако в условиях затеянного автором эксперимента по выживанию человека есть одна уступка: Робинзону быстро *открывается возможность не умереть с голоду, остаться в живых*. Нельзя сказать, что перерезаны решительно все его связи с цивилизацией. Во-первых, цивилизация действует в его навыках, в его памяти, в его жизненной позиции; во-вторых, с сюжетной точки зрения цивилизация удивительно своевременно посылает Робинзону свои плоды. Он вряд ли бы выжил, если бы сразу не эвакуировал с разбитого корабля все продовольственные запасы и инструменты (ружья и порох, ножи, топоры, гвозди и отвертку, точило, лом), канаты и паруса, постель и платье.

С 1 по 24 октября. Все эти дни я был занят перевозкой с корабля всего, что можно было снять оттуда. С началом прилива я на плотях переправлял свой груз на берег. Все это время шли дожди с небольшими промежутками ясной погоды: вероятно, здесь сейчас дождливое время года.

20 октября. Мой плот опрокинулся, и весь груз затонул; но так как это случилось на мелком месте, а вещи были тяжелые, то с наступлением отлива мне удалось спасти большую их часть.

25 октября. Всю ночь и весь день шел дождь и дул порывистый ветер. Корабль за ночь разнесло в щепки; на том месте, где он стоял, торчат какие-то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я укрывал и защищал спасенное мною добро, чтобы его не испортил дождь.

26 октября. Почти весь день бродил по берегу, отыскивая удобное место для жилья. Больше всего заботился о том, чтобы обезопасить себя от ночных нападений диких зверей и людей. К вечеру нашел наконец подходящее место на крутом склоне холма. Обведя полукругом по земле нужную мне площадь, я решил укрепить ее оградой, состоящей из двух рядов кольев, обложенных снаружи дерном; промежуток между рядами кольев я собирался заполнить корабельными канатами.

С 26 по 30 октября. Усиленно работал: перетаскивал свое имущество в новое жилище, несмотря на то, что почти все время лил сильный дождь.

31 октября. Утром ходил по острову с ружьем в расчете подстрелить какую-нибудь дичь и осмотреть местность. Убил козу, ее козленок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но мне пришлось убить и его, так как он еще не умел есть.

1 ноября. Разбил под самой скалой палатку, постаравшись сделать ее как можно более обширной, повесил на кольях койку и впервые переночевал в ней.

2 ноября. Собрал все ящики и доски, а также куски бревен от плотов и соорудил из них баррикаду вокруг палатки на площадке, отведенной для моего укрепления.

3 ноября. Ходил с ружьем. Убил двух птиц, похожих на уток. Их мясо оказалось очень вкусным. После обеда начал делать стол.

4 ноября. Распределил свое время, назначив определенные часы для физических работ, для охоты, для сна и для развлечений. Вот порядок моего дня: с утра, если нет дождя, часа два-три хожу по острову с ружьем, затем до одиннадцати работаю, а в одиннадцать завтракаю чем придется, с двенадцати до двух ложусь спать (так как это самая жаркая пора дня), затем к вечеру опять принимаюсь за работу. Все рабочие часы в последние два дня трудился над изготовлением стола. Я был тогда еще весьма неумелым столяром. Но время и нужда вскоре сделали из меня мастера на все руки. Так было бы, конечно, и со всяким другим на моем месте.

5 ноября. Сегодня ходил с ружьем и с собакой. Убил дикую кошку; шкурка довольно мягкая, но мясо никуда не годится. Я сдирал шкурку с каж дого убитого мною

животного и прятал в свой склад. Возвращаясь домой берегом моря, видел много морских птиц неизвестных мне пород. Видел еще двух или трех тюленей. В первый момент я даже испугался, не распознав, что это за животные. Но, когда я к ним присматривался, они нырнули в воду и таким образом ускользнули от меня на этот раз.

6 ноября. После утренней прогулки работал над столом и закончил его; хотя и недоволен своей работой. Вскоре, однако, я так наловчился, что мог его исправить.

7 ноября. Устанавливается ясная погода. Все дни — 7, 8, 9, 10 и частью 12 ноября (11-го было воскресенье) — я делал стул. Мне стоило большого труда придать ему сносную форму. Несколько раз я разбирал его на части и сызнова принимался за работу. И все-таки недоволен результатом.

Примечание. Я скоро перестал соблюдать воскресные дни, ибо, перестав отмечать их на моем столбе, я сбился в счете.

13 ноября. Сегодня шел дождь; он очень освежил меня и охладил землю, но все время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я перепугался за свой порох. Когда гроза прекратилась, я решил мой запас пороха разделить на мелкие части, чтоб он не взорвался весь разом.

14, 15 и 16 ноября. Все эти дни делал ящички для пороха, чтобы в каждый ящичек вошло от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящичкам и запрятал их в расселины скалы как можно дальше один от другого. Вчера убил большую птицу. Мясо ее очень вкусно. Как она называется — не знаю.

17 ноября. Сегодня начал копать углубление в скале за палаткой, чтобы поудобнее разложить свое имущество.

Примечание. Для этой работы крайне необходимы три вещи: кирка, лопата и тачка или корзи на, а у меня их нет. Пришлось отказаться от работы. Долго думал, чем бы заменить эти инструменты ты или как их сделать. Вместо кирки попробовал работать железным ломом; он годится, только слишком тяжел. Затем остается лопата (или заступ). Без нее никак не обойтись, но я решительно не придумаю, как ее сделать.

18 ноября. Отыскивая в лесу материал для своих построек, нашел то дерево (или похожее на него), которое в Бразилии называют железным за его необыкновенную твердость. С большим трудом и сильно попортив свой топор, отрубил от него кусок и притащил домой: он оказался неимоверно тяжелым.

Я решил сделать из него лопату. Дерево было так твердо, что эта работа отняла у меня много времени, но другого выхода у меня не было. Мало-помалу придал обрубку форму лопаты, причем рукоятка вышла не хуже, чем делают у нас в Англии, но широкая часть, не будучи обита железом, прослужила мне недолго. Впрочем, я достаточно воспользовался ею для земляных работ, и она очень мне пригодилась, но, я думаю, ни одна лопата на свете не изготовлялась таким способом и так долго.

Мне недоставало еще тачки или корзины. О корзине нечего было и мечтать, так как у меня не было гибких прутьев, по крайней мере мне не удалось до сих пор найти их. Что же касается тачки, то мне казалось, что я сумею сделать ее. Затруднение было только в колесе: я не имел никакого представления о том, как делаются колеса; кроме того, для оси нужен был железный стержень, которого у меня тоже не было. Пришлось оставить это. Чтоб выносить вырытую землю, я сделал нечто вроде корытца, в каких каменщики держат известку.

Корытце было легче сделать, чем лопату; тем не менее все вместе — корытце, заступ и бесплодные попытки смастерить тачку — отняло у меня по меньшей мере четыре дня, не считая утренних экскурсий с ружьем. Редкий день я не выходил на охоту, и почти не было случая, чтобы я не принес себе что-нибудь на обед.

23 ноября. Пока я изготовлял эти орудия, вся остальная моя работа стояла. Закончив их, я опять принялся рыть пещеру. Копал весь день, насколько позволяли время и силы, и у меня ушло на эту работу целых восемнадцать дней. Мне нужно было, чтобы в моем погребке могло удобно разместиться все мое имущество.

Примечание. Все это время я трудился над расширением пещеры, чтобы она могла служить мне складом, кухней, столовой и погребом; помещался же я по-прежнему в палатке, кроме тех дней в дождливое время года, когда палатку пробивало дождем. Впрочем, впоследствии я устроил над своим двориком нечто вроде соломенной крыши: от ограды до откоса горы я проложил жерди, которые прикрыл водорослями и крупными листьями.

10 декабря. Я думал, что покончил со своей пещерой, или погребом, как вдруг сегодня (должно Г"ыть, я сделал ее слишком широкой) сверху с одного боку обвалилась земля. Обвал был так велик, что я испугался, и не без основания: находишь я там в эту минуту, мне уж наверное не понадобилось бы могильщика. Этот прискорбный случай причинил мне много хлопот и задал новую работу: гужно было удалить обвалившуюся землю, а главное, пришлось подпирать свод, иначе я не мог быть уверен, что обвал не повторится.

11 декабря. С сегодняшнего дня принялся за эту работу. Покамест поставил в виде подпоры два столба; наверху каждого из них укрепил крест-накрест по две доски. Эту работу я окончил на следующий день. Поставив еще несколько таких же столбов с досками, я через неделю окончательно укрепил свод. Столбы стоят в ряд и служат в моем погребке перегородкой.

17 декабря. С этого дня по 20-е число прилаживал в погребке полки, вбивал гвозди в столбы и развешивал все, что можно повесить. Теперь у меня будет хоть какой-то порядок.

20 декабря. Перенес все вещи и разложил по местам. Прибил несколько маленьких полочек

для провизии: вышло нечто вроде буфета. Досок остается очень мало, и я сделал себе еще один стол.

24 декабря. Проливной дождь всю ночь и весь день, не выходил из дому.

25 декабря. Дождь льет непрерывно.

26 декабря. Дождь перестал. Стало пораздо прохладнее; очень приятная погода.

27 декабря. Подстрелил двух козлят; одного убил, а другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; я поймал его и привел домой на веревке. Дома осмотрел ему ногу; она была перебита, и я забинтовал ее.

Примечание. Я выходил этого козленка: сломанная нога срослась, и он отлично бегал.

Я так долго ухаживал за ним, что он стал ручным и не хотел уходить. Он пасся у меня на лужке перед палаткой. Тогда-то мне в первый раз пришлось в голову завести домашний скот, чтобы обеспечить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох.

Осваиваясь в новой жизни, Робинзон, делая что-то 'одно', будет всегда примечать идущее на пользу 'другое' и 'третье'. Робинзон одинок, ему противостоит мир, глубоко безразличный к нему, просто не ведающий о его существовании, - море, ветры, дожди, этот остров с его дикой флорой и фауной. И чтобы выжить, ему предстоит освоить даже не 'профессию' (или множество их, что, впрочем, он сделает), но законы, 'нравы' окружающего мира и взаимодействовать, считаясь с ними. В его случае 'жить' значит все примечать - и учиться. Так, он не сразу догадывается, что козы не умеют смотреть вверх, зато потом будет легко добывать мясо, стреляя со скалы или холма. Его выручает не одна природная смекалка: из цивилизованного мира он принес представления и навыки, позволившие ему 'в полной безмолвия печальнейшей жизни' ускоренно пройти основные этапы становления общественного человека - иначе говоря, сохраниться в этом качестве, не одичать, подобно многим прототипам. Тех же коз он научится одомашнивать, добавит к мясному столу молочный (он будет лако-миться сыром).

28, 29, 30 и 31 декабря. Сильная жара при полном безветрии. Выходил из дому только по вечерам на охоту. Посвятил эти дни окончательному приведению в порядок своего хозяйства.

1 января. Жара не спадает; тем не менее сегодня ходил на охоту два раза: рано утром и вечером. В полдень отдыхал. Вечером прошел по долине подальше, в глубь острова, и видел очень много коз; но они крайне пугливы и не подпускают к себе близко. Хочу попробовать охотиться на них с собакой.

2 января. Сегодня взял с собой собаку и направил на коз; но опыт не удался: все стадо повернулось навстречу собаке, и она, очевидно, отлично поняла опасность, потому что ни за что не хотела подойти к ним.

3 января. Начал строить ограду, или, вернее, вал. Все еще опасаясь неожиданных нападений, я решил сделать ее как можно прочнее и толще.

Примечание. Моя ограда уже описана на предыдущих страницах, и потому я опускаю все, что говорится о ней в моем дневнике. Довольно будет заметить, что я провозился над ней (считая с начала работы до полного ее завершения) с 3 января по 14 апреля, хотя вся ее длина не превышала двадцати четырех ярдов. Я уже говорил, что ограда моя шла полукругом, концы которого упирались в гору. От середины ее до горы было около восьми ярдов, и как раз посередине я устроил вход в пещеру.

Все это время я работал не покладая рук. Случалось, что дожди прерывали мою работу на несколько дней и даже недель, но мне казалось, что до окончания вала нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Трудно представить себе, сколько труда я положил на эту работу. Особенно тяжело достались мне переноска из лесу бревен и вбивание их в землю, так как я делал гораздо более толстые колья, чем было нужно.

Когда ограда была окончена и укреплена с наружной стороны земляной насыпью, я успокоился. Мне казалось, что, если бы на острове появились люди, они не заметили бы ничего похожего на человеческое жилище. Во всяком случае, я хорошо сделал, замаскировав свое жилище, как то покажет один примечательный случай, о котором будет рассказано ниже.

В это время я продолжал ежедневные обходы леса в поисках дичи, разумеется, когда позволяла погода, и во время этих прогулок сделал много полезных открытий. Так, например, я высмотрел особую породу диких голубей, которые выют гнезда не на деревьях, как наши дикие голуби, а в расщелинах скал. Как-то раз я вынул из гнезда птенцов, с тем чтобы выкормить их дома и приручить. Мне удалось их вырастить, но, как только у них отросли крылья, они улетели, быть может, оттого, что у меня не было для них подходящего корма. Как бы то ни было, я часто находил их гнезда и брал птенцов, которые были для меня лакомым блюдом.

Когда я начал обзаводиться хозяйством, я увидел, что мне недостает многих необходимых вещей. Сделать их самому я вначале считал невозможным, да и действительно кое-что (например, бочки) так и не смог никогда сделать. У меня были, как я уже говорил, два или три бочонка с корабля, но, как я ни бился, мне не удалось смастерить ни одного, хотя я потратил на эту работу несколько недель. Я не мог ни вставить, ни сколотить дощечки настолько плотно, чтобы они не пропускали воды: так и пришлось отказаться от этой затеи.

Затем мне очень недоставало свечей. Как только начинало темнеть — смеркалось обычно около семи часов, — мне приходилось ложиться спать. Я часто вспоминал про тот кусок воска, из которого делал свечи во время моих приключений у берегов Африки, но воска у меня не было. Единственным выходом было воспользоваться жиром коз, которых я убивал на охоте. Я устроил себе светильник из козьего жиру: плошку собственноручно вылепил из глины, а потом обжег на солнце, на фитиль же взял пеньку от старой веревки. Светильник горел хуже, чем свеча, свет его был неровный и тусклый.

В разгар этих работ, шаря однажды в своих вещах, я нашел небольшой мешок с зерном для птицы, которую корабль вез не в этот свой рейс, а раньше, должно быть, когда он шел из Лиссабона. Я уже упоминал, что остатки этого зерна в мешке были изъедены крысами (по крайней мере, когда я заглянул в мешок, мне показалось, что там одна труха); а так как мешок мне был нужен для чего-то другого (кажется, под порох: это было как раз в то время, когда я решил разделить его на небольшие части, испугавшись грозы), то я вытряхнул его на землю под скалой.

Это было незадолго до начала проливных дождей, о которых я уже говорил. Я давно забыл про это, не помнил даже, на каком месте я вытряхнул мешок. Но вот прошло около месяца, и я увидел на полянке несколько зеленых стебельков, только что вышедших из земли. Сначала я думал, что это какое-нибудь неизвестное мне растение. Но каково же было мое изумление, когда спустя еще несколько недель зеленые стебельки (их было всего штук десять — двенадцать) выпустили колосья, оказавшиеся колосьями отличного ячменя, того самого, который растет на материке Европы и у нас в Англии!

Невозможно передать, в какое смятение повергло меня это открытие! До тех пор мною никогда не руководили религиозные помыслы. Религиозных понятий у меня было очень немного, и все события моей жизни — крупные и мелкие — я приписывал простому случаю, или, как все мы говорим легкомысленно, воле божьей. Я никогда не задавался вопросом, какие цели преследует провидение, управляя ходом событий в этом мире. Но когда я увидел этот ячмень, выросший, как я знал, в несвойственном ему климате, а главное, неизвестно как попавший сюда, я был потрясен до глубины души и стал верить, что это бог чудесным образом произрастил его без семян только для того, чтобы прокормить меня на этом диком, безотрадном острове. Мои засухой, и семена не взойшли в том количестве, как должны были бы взойти. Но об этом после.

Кроме ячменя у меня, как уже сказано, выросли двадцать или тридцать стеблей риса, который я собрал так же старательно и для этой же цели — чтобы готовить из него хлеб, или, вернее, еду, так как я открыл способ обходиться без печки. Но это было уже потом. Возвращаясь к моему дневнику.

Все те четыре или три с половиною месяца, когда я был занят возведением ограды, я работал не покладая рук. 14 апреля ограда была кончена, и я решил, что буду входить и выходить через стеноу по приставной лестнице, чтобы снаружи не было никаких признаков жилья.

16 апреля. Кончил лестницу; перелезаю через стеноу и каждый раз убираю лестницу за собой. Теперь я огорожен со всех сторон. В моей крепости довольно простора, и проникнуть в нее нельзя иначе, как через стеноу.

Но на другой же день после того, как я окончил свою ограду, весь мой труд чуть не пропал даром, да и сам я едва не погиб. Вот что произошло. Я чем-то был занят в ограде, за палаткой, у входа в пещеру, как вдруг надо мной посыпалась земля со свода пещеры и с вершины горы, и два передних столба, поставленных мною, рухнули со страшным треском. Я очень испугался, но не догадался о настоящей причине случившегося, а просто подумал, что свод обвалился, как это было раньше. Боясь, чтобы меня не засыпало новым обвалом, я побежал к лестнице и, не считая себя в безопасности, перелез через стеноу.

Но не успел я сойти на землю, как мне стало ясно, что на этот раз причиной обвала в пещере было страшное землетрясение. Земля подо мной колебалась, и в течение каких-нибудь восьми минут было три таких сильных толчка, что от них рассыпалось бы самое прочное здание, если бы оно стояло здесь. Я видел, как у скалы, находившейся у моря в полумиле от меня, отвалилась вершина и рухнула с таким грохотом, какого я в жизни своей не слышал. Море тоже яростно забушевало; мне даже казалось, что в море подземные толчки были сильнее, чем на острове.

Никогда еще мне не приходилось ни видеть такого, ни даже слышать о чем-либо подобном, и я был так ошеломлен, что все во мне словно окаменело. От колебаний почвы со мной сделалась морская болезнь, как от качки: мне казалось, что я умираю; однако грохот падающего утеса вывел меня из оцепенения и вверг в ужас. Я думал только о том, что гора обрушится на мою палатку и погребет под собою все мое хозяйство, и от этой мысли я обмер второй раз.

Когда после третьего толчка наступило затишье, и начал приходить в себя, однако у меня не хватило мужества перелезть через ограду, ибо я боялся быть похороненным заживо и сидел на земле в полном унынии, не зная, как быть. И за все это время у меня не мелькнуло ни одной серьезной мысли о боге, ничего, кроме обычных слов: «Господи, помилуй меня». Но как только опасность миновала, забылись и они.

Между тем собрались тучи; потемнело, как перед дождем. Задул ветер, сначала слабо, потом все сильнее, и через полчаса разразился страшнейший ураган. Море запенилось, забурлило и с ревом билось о берега; деревья вырывало с корнями; картина была ужасная. Так продолжалось часа три; потом буря стала стихать, и еще часа через два наступил мертвый штиль и полил дождь.

Все время, покуда свирепствовал ураган, я сидел на земле, подавленный страхом и отчаянием, и вдруг мне пришло в голову, что этот ливень и ветер, должно быть, последствия землетрясения; стало быть, оно кончилось, и я могу рискнуть вернуться в мое жилище. Эта мысль придала мне решимости, а может быть, тому способствовал и дождь, но я перелез через

ограду и уселся в палатке; однако ливень был настолько силен, что палатку захлестывало водой, и я был вынужден перейти и пещеру, хотя и боялся, как бы она не обвалилась мне на голову.

Этот ливень задал мне новую работу; пришлось проделать в ограде отверстие для стока воды, иначе затопило бы мою пещеру. Просидев там некоторое время и видя, что подземные толчки больше не повторяются, я стал успокаиваться. Для поддержания бодрости, что было мне крайне необходимо, я подошел к своему «буфету» и отхлебнул маленький глоток рома. Я всегда расходовал ром весьма экономно, зная, что, когда выйдет весь мой запас, мне неоткуда будет его пополнить.

Дождь лил всю эту ночь и почти весь следующий день, и я не выходил наружу. Немного успокоившись, я начал обдумывать, что делать дальше. Я пришел к заключению, что, коль скоро этот остров подвержен землетрясениям, мне нельзя жить в пещере. Следовало построить шалаш где-нибудь на открытом месте, а чтобы обезопасить себя от нападения животных и людей, огородить его стеной, как я это сделал здесь. Ибо если я останусь в пещере, то рано или поздно буду похоронен живо.

В самом деле, моя палатка стояла на опасном месте — под выступом горы, которая в случае нового землетрясения легко могла обрушиться на нее. Поэтому я решил перекочевать на другое место вместе с палаткой. Два следующих дня — 19 и 20 апреля — я провел, ломая себе голову, где и как построить новое жилище.

От страха, что меня может засыпать за-заживо, я не мог спать по ночам; ночевать на открытом месте за оградой я тоже не решался. А вместе с тем когда я оглядывал свое жилище и видел, как я уюно устроился, в каком порядке у меня хозяйство. Я как хорошо я укрыт от всякой опасности извне, я с крайней неохотой думал о переселении.

Затем у меня явилась мысль, что на переселение понадобится очень много времени и что, стало быть, все равно придется мириться с опасностью обвала, пока я не укреплю новое место так, чтобы можно было перебраться туда. Придя к такому выводу, я успокоился, но все-таки решился приняться, не теряя времени, за возведение ограды на новом месте с помощью частокола и канатов, в форме окружности, и, как только она будет готова, 'перенести в нее свою палатку'; до того же времени оставаться там, где я был, и готовиться к переезду. Это было 21 апреля.

Приобщенный исторической памяти, возрастая от опыта поколений и уповая на будущее, Робинзон хоть и одинок, но не затерян во времени, отчего первейшей заботой этого жизнестроителя становится сооружение календаря - это большой столб, на котором он каждый день делает зарубку. Первая дата там - тридцатое сентября 1659 г. Отныне каждый его день назван и учтен, и для читателя, прежде всего тогдашнего, на труды и дни Робинзона падает отсвет большой истории. За время его отсутствия в Англии была восстановлена монархия, и возвращение Робинзона 'подгадывает' к 'Славной революции' 1688 г., приведшей на трон Вильгельма Оранского, добро-желательного патрона Дефо; в эти же годы в Лондоне случится 'Ве-ликий пожар' (1666 г.), и воспрянувшее градостроительство неузнаваемо изменит облик столицы; за это время умрут Мильтон и Спиноза; Карл II издаст 'Хабеас корпус акт' - закон о неприкосновенности личности.

Среди 'не особо ценных' вещей, прихваченных с корабля (вспомним 'кучу золота'), были чернила, перья, бумага, 'три очень хороших Библии', астрономические приборы, подзорные трубы. Те-перь, когда быт его налаживается (с ним, кстати, живут три кошки и собака, тоже корабельные, потом прибавится в меру разговорчивый попугай), самое время осмыслить происходящее, и, покуда не кончи-лись чернила и бумага, Робинзон ведет дневник, чтобы 'хоть сколько-нибудь облегчить свою душу'. Это своеобразный гроссбух 'зла' и 'добра': в левой колонке - он выброшен на необитаемый остров без надежды на избавление; в правой - он жив, а все его товарищи утонули. В дневнике он подробно описывает свои занятия, производит наблюдения - и примечательные (относительно ростков ячменя и риса), и повседневные ('Шел дождь'. 'Опять весь день дождь').

Случившееся землетрясение вынуждает Робинзона задуматься о новом месте для жилья - под горой небезопасно.

Между тем к острову прибывает потерпевший крушение корабль, и Робинзон берет с него строительный материал, инструменты. В эти же дни его сваливает лихорадка, и в горячном сне ему является 'объятый пламенем' человек, грозя смертью за то, что он 'не раскаялся'. Сокрушаясь о своих роковых заблуждениях, Робинзон впервые 'за много лет' творит покаянную молитву, читает Библию - и по мере сил лечится. На ноги его поднимет ром, настоящий на табаке, после которого он проспал две ночи. Соответственно из его календаря выпал один день. Поправившись, Робинзон наконец обследует остров, где прожил уже больше десяти месяцев.

В его равнинной части среди неведомых растений он встречает знакомцев - дыню и виноград; последний его особенно радует, он будет сушить его на солнце, и в межсезонье изюм подкрепит его силы. И живностью богат остров - зайцы (очень невкусные), лисицы, черепахи (эти, наоборот, приятно разнообразят его стол) и даже вызывающие недоумение в этих широтах пингвины. На эти райские красоты он смотрит хозяйским глазом - делить их ему не с кем. Он решает поставить здесь шалаш, хорошо укрепить его и жить по нескольку дней на 'даче' (это его слово), основное время проводя 'на старом пепелище' вблизи моря, откуда может прийти освобождение.

Непрерывно трудясь, Робинзон и второй, и третий год не дает себе послабления. Вот его день: 'На первом плане религиозные обязанности и чтение Священного Писания (...) Вторым из ежедневных дел была охота (...) Третьим была сортировка, сушка и приготовление убитой или пойманной дичи'. Прибавьте к этому уход за посевами, а там и сбор урожая; прибавьте уход за скотом; прибавьте работы по хозяйству (сделать лопату, повесить в погребе полку), забирающие много времени и сил из-за недостатка инструментов и по неопытности. Робинзон имеет право погордиться собой: 'Терпением и трудом я довел до конца все работы, к которым был вынужден обязательствами'. Шутка сказать, он будет испекать хлеб, обходясь без соли, дрожжей и подходящей печи!

Заветной его мечтой остается построить лодку и добраться до материка. Он даже не задумывается над тем,

кого и что он там встретит, главное - вырваться из неволи. Подгоняемый нетерпением, не обдумав, как доставить лодку от леса к воде, Робинзон валит огромное дерево и несколько месяцев вытесывает из него пирогу. Когда же она наконец готова, ему так и не удастся спустить ее на воду. Он стоически переносит неудачу:

Робинзон стал мудрее и выдержаннее, он научился уравнивать 'зло' и 'добро'. Образовавшийся досуг он благоразумно употребляет на обновление износившегося гардероба: 'строит' себе меховой костюм (брюки и куртку), шьет шапку и даже мастерит зонтик. В каждодневных трудах проходит еще пять лет, отмеченных тем, что он-таки построил лодку, спустил ее на воду и оснастил парусом. К далекой земле на ней не добраться, зато можно объехать вокруг острова. Течение уносит его в открытое море, он с огромным трудом возвращается на берег недалеко от 'дачи'. Натерпевшись страху, он надолго утратит охоту к морским прогулкам. В этот год Робинзон совершенствуется в гончарном деле и плетении корзин (растут запасы), а главное, делает себе царский подарок - трубку! На острове пропасть табак.

Однако при этом цивилизация представлена на острове Отчаяния только своими техническими достижениями, а общественные противоречия не существуют для изолированного, одинокого героя. Именно от одиночества он больше всего страдает, и облегчением становится появление на острове дикаря Пятницы.

Его размеренное существование, наполненное трудами и полезными досугами, вдруг лопается как мыльный пузырь. В одну из своих прогулок Робинзон видит на песке след босой ноги. Напуганный до смерти, он возвращается в 'крепость' и три дня отсиживает там, ломая голову над непостижимой загадкой: чей след? Вероятнее всего, это дикари с материка. В его душе поселяется страх: вдруг его обнаружат? Дикари могут его съесть (он слышал про такое), могут разорить посевы и разогнать стадо. Начав понемногу выходить, он принимает меры безопасности: укрепляет 'крепость', устраивает новый (дальний) загон для коз. Среди этих хлопот он опять набредает на человеческие следы, а затем видит и остатки каннибальского пиршества. Похоже, на острове опять побывали гости. Ужас владеет им все два года, что он безвылазно остается на своей части острова (где 'крепость' и 'дача'), живя 'всегда настороже'. Но постепенно жизнь возвращается в 'прежнее покойное русло', хотя он продолжает строить кровавые планы, как отвести дикарей от острова. Его пыл охлаждают два соображения: 1) это племенные распри, лично ему дикари не сделали ничего плохого; 2) чем они хуже испанцев, заливших кровью Южную Америку? Этим примирительным мыслям не дает укрепиться новое посещение дикарей (идет двадцать третья годовщина его пребывания на острове), высадившихся на сей раз на 'его' стороне острова. Справив свою страшную тризну, дикари уходят, а Робинзон еще долго боится смотреть в сторону моря.

И то же море манит его надеждой на освобождение. Грозовой ночью он слышит пушечный выстрел - какой-то корабль подает сигнал бедствия. Всю ночь он палит огромный костер, а утром видит вдалеке остов разбившегося корабля. Истосковавшись в одиночестве, Робинзон молит небо, чтобы 'хоть один' из команды спасся, но 'злой рок', словно в издевку, выбрасывает на берег труп юнги.

И на корабле он не найдет ни единой живой души. Примечательно, что небогатая 'добыча' с корабля не очень его огорчает: он крепко стоит на ногах, вполне себя обеспечивает, и радуют его только порох, рубахи, полотно и, по старой памяти, деньги. Им неотвязно владеет мысль о бегстве на материк, и поскольку в одиночку это невозможно, на подмогу Робинзон мечтает спасти предназначенного 'на убой' дикаря, рассуждая в привычных категориях: 'приобрести слугу, а может быть, товарища или помощника'. Он полтора года строит хитроумнейшие планы, но в жизни, как водится, все выходит просто:

приезжают каннибалы, пленник сбегает, одного преследователя Робинзон сваливает прикладом ружья, другого застреливает насмерть.

Жизнь Робинзона наполняется новыми - и приятными - заботами. Пятница, как он назвал спасенного, оказался способным учеником, верным и добрым товарищем. В основу его образования Робинзон закладывает три слова: 'господин' (имея в виду себя), 'да' и 'нет'. Он искореняет скверные дикарские привычки, приучая Пятницу есть бульон и носить одежду, а также 'познавать истинного бога' (до этого Пятница поклонялся 'старика по имени Бунамуки, который живет высоко'). Овладевая английским языком. Пятница рассказывает, что на материке у его соплеменников живут семнадцать спасшихся с погибшего корабля испанцев. Робинзон решает построить новую пирогу и вместе с Пятницей вызвать пленников.

Новый приезд дикарей нарушает их планы. На этот раз каннибалы привозят испанца и старика, оказавшегося отцом Пятницы. Робинзон и Пятница, уже не хуже своего господина управляющий с ружьем, освобождают их. Мысль собраться всем на острове, построить надежное судно и попытать счастья в море приходится по душе испанцу. А пока засеивается новая делянка, отлавливаются козы - пополнение ожидается немалое. Взяв с испанца клятвенное обещание не сдавать его инквизиции, Робинзон отправляет его с отцом Пятницы на материк.

А на восьмой день на остров жалуют новые гости. Взбунтовавшаяся команда с английского корабля привозит на расправу капитана, помощника и пассажира. Робинзон не может упустить такой шанс. Пользуясь тем, что он тут знает каждую тропку, он освобождает капитана и его товарищей по несчастью, и впятером они раздвигаются с негодяями. Единственное условие, которое ставит Робинзон, - доставить его с Пятницей в Англию. Бунт усмирён, двое отъявленных негодяев висят на рее, еще троих оставляют на острове, гуманно снабдив всем необходимым; но ценнее провизии, инструментов и оружия - сам опыт выживания, которым Робинзон делится с новыми поселенцами, всего их будет пятеро - еще двое сбегут с корабля, не очень доверяя прощению капитана.

Двадцативосьмилетняя одиссея Робинзона завершилась: 11 июня 1686 года он вернулся в Англию. Его родители давно умерли, но еще жива добрая приятельница, вдова его первого капитана. В Лисабоне он узнает, что все эти годы его бразильской плантацией управлял чиновник от казны, и, поскольку теперь выясняется, что он жив, ему возвращаются все доходы за этот срок. Состоятельный человек, он берет на свое попечение двух племянников, причем второго готовит в моряки. Наконец Робинзон женится (ему шестьдесят один год) 'не-безвыгодно и вполне удачно во всех отношениях'. У него два сына и дочь.

В. А. Харитонов

Как уже говорилось, Робинзон воплощает психологию буржуа: ему кажется совершенно естественным присваивать себе все и всех, на что нет юридического права собственности у кого-либо из европейцев. Любимое местоимение Робинзона — *мой*, и он сразу делает из Пятницы своего слугу: *Я научил его произносить слово*

“господин” и дал понять, что это мое имя. Робинзон не задается вопросами, есть ли у него право присвоить себе Пятницу, продать своего друга по плену мальчика Ксури, торговать рабами. Остальные люди интересуют Робинзона постольку, поскольку они партнеры или предмет его сделок, торговых операций, и к себе Робинзон не ждет иного отношения. В романе Дефо мир людей, изображенный в повествовании о жизни Робинзона до его злосчастной экспедиции, находится в состоянии броуновского движения, и тем сильнее его контраст со светлым, прозрачным миром необитаемого острова.